

П.Н. Луков

События августа 1991 года
Политологический анализ

Москва
Издательство Нобель Пресс

УДК 32
ББК 66
П11

П11 **П.Н. Луков**
События августа 1991 года: Политологический анализ / П.Н. Луков – М.:
Lennex Corp, — Подготовка макета: Издательство Нобель Пресс, 2013. –
118 с.

ISBN 978-5-518-39852-8

ISBN 978-5-518-39852-8

© Издательство Нобель Пресс, 2013
© П.Н. Луков, 2013

Введение

События, произошедшие в СССР с 19 по 21 августа 1991 года, были без сомнения одним из поворотных пунктов в истории страны, во многом определившим её дальнейшую судьбу. Назывались они по-разному: антиконституционный заговор, августовский путч, государственный переворот и т. п. А для кого-то это была отчаянная попытка спасти закреплённый Конституцией СССР общественный строй, навести в стране юридический порядок. Впоследствии на эти события часто стали смотреть как на непродолжительный эпизод общего течения политического процесса или какой-то частью общей картины происходящих событий. Этим дням посвящено уже было много трудов, но в основном они имели недостаточно объективную оценку. Почти любая такая оценка носила чаще всего односторонний, субъективный характер, сопряжённый с определёнными групповыми или идеологическими воззрениями. Моя цель – подойти к этой проблеме непредвзято, с научно-обоснованной точки зрения. Для этого есть смысл отказаться не только от прежних идеологических подходов, но рассмотреть эти события в диалектическом контексте. Иными словами, здесь предстоит ответить на вопросы: почему и как произошли эти события, их сущность и к чему они привели. В данной работе я не буду придерживаться строгой хронологии этих событий, описания каждого их момента. Необходимые подробности будут иметь место только там, где это необходимо для конкретного анализа.

Поскольку Государственный Комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) был, главным образом, инициатором августовских событий, то большая часть данного материала посвящена здесь его действиям. При этом я должен заметить, что под ГКЧП я намерен подразумевать не только членов, которые официально входили в него: Бакланов О.Д., Крючков В.А., Павлов В.С., Пуго Б.К., Стародубцев В.А., Тизяков А.И., Язов Д.Т., Янаев Г.И. К ГКЧП я считаю вправе условно причислить и тех, кто был с ними активно и непосредственно связан, сыграл в событиях августа 1991 года достаточно заметную роль. К таковым можно отнести, например, Лукьянова А.И. и Варенникова В.И. Неверно считать ГКЧП только заговором узкого круга лиц. Это был своего рода конгломерат сторонников выбранной ими жёсткой линии руководства, объединённых больше конкретными целями, чем должностными обязанностями. Это доказывается хотя бы тем, что, скажем, Лукьянов А.И. сыграл здесь более активную роль, чем, например, Стародубцев В.А.

Я также должен заметить, что тоже не вправе претендовать здесь на конечную истину, и моя работа неизбежно будет нести некоторую печать субъективизма. Тем не менее, приведённый ниже анализ будет основан только на реальных, уже доказанных фактах, не вызывающих какого-либо сомнения. Оценки, описания, носящие чисто гипотетический характер, в расчёт не взяты. При этом, учитывая, что о данных событиях известно из имеющихся на сегодня источников далеко не всё, я не мог избавиться от некоторых собственных предположений, в целом, однако, не противоречащих известным фактам.

Теперь несколько слов в отношении применённой мной терминологии. Во избежание путаницы я употреблял

названия и связанные с ними словосочетания, имевшими непосредственное распространение в то непростое время. Кто как сам обозначал себя и собственные цели, те термины за ними и сохранены. Тогда ещё никто не мог однозначно сказать, как потом конкретно пойдут реформы, и кто больше на самом деле соответствовал тому или иному значению. Высокие слова в то время были, что называется, в ходу и достаточно популярны, а потому обозначали больше выбор, чем конкретное или реальное содержание. Что в итоге из этого впоследствии вышло – это тема совершенно другого разговора и к данной работе отношения не имеет. Кто-то может сказать, что здесь одни события недостаточно раскрыты, а другие затронуты слишком подробно. Кто-то может меня покритиковать за несколько публицистический характер работы. Однако я вправе заявить, что это не меняет научной сущности данного произведения. В качестве основы анализа здесь применён распространённый в политологии институциональный метод исследования, использованы политологические критерии в освещении той сложившейся ситуации, соблюден научный принцип построения работы: тезисы, аргументы, выводы. Хотя автор не стал полностью отказываться от оценок, данный подход не является здесь главным. Основная цель – показать события, какими они были на самом деле, а не такими, какими их хотелось бы кому-то видеть. Важен был поиск, а не трактовка истины. В этом и состоит основная цель политической науки.

Причины событий августа 1991 года

О событиях, происшедших с 19 по 21 августа 1991 года, в советской и зарубежной прессе часто сообщалось как о «трёх днях, потрясших весь мир»¹. Частично можно согласиться с этими утверждениями. Действительно, то, что произошло тогда в августе, отчасти повергло мировое сообщество в шок. Для большинства эти события стали полнейшей неожиданностью, не смотря на то, что разговоры о чрезвычайном положении (ЧП), о надвигающейся диктатуре и возможности военного переворота давно будоражили общественное мнение. Страна была как бы под знаком ожидания серьёзных потрясений. Но при более тщательном анализе невольно напрашивается вывод, что такой поворот в истории был вполне закономерен, и есть все основания считать, что август 1991 года был, можно сказать, буквально предрешён всей социально-политической обстановкой, которая уже сложилась к этому времени.

Обычно такое состояние называют кризисом политической власти. Предпосылкой этого кризиса послужил тот фактор, что ни теоретически, ни практически за время, которое чаще всего называли годами «перестройки», не сформировалась альтернативная прежней системе модель развития страны, что позволяло определённым силам, стоящим преимущественно на ортодоксально-коммунистических позициях, овладевать ситуацией и продлевать господство старой системы управления. В результате это привело к так называемому кризису легитимности, который представляет собой развал или парализованность конститу-

1 Московский Комсомолец, 23 августа 1991 г.

ционных структур и деятельности правительства, вытекающий из отсутствия в обществе согласия относительно природы и методов деятельности политической власти. Напротив, обязательным условием для легитимности любого политического режима – это расширяющееся признание гражданами процесса принятия решений со стороны данного режима. Иными словами, режим становится легитимным тогда, когда власть способна формировать и поддерживать убеждения в необходимости и оптимальности существующих политических институтов для данного периода. В СССР процесс «перестройки» пошёл фактически в обратном направлении, но на этом аспекте я остановлюсь позже.

Разрешение кризиса легитимности возможно, в принципе, в трёх основных направлениях.

1. Обретение легитимности за счёт реально демонстрируемой эффективности власти;
2. Привлечение на свою сторону консервативных элементов за счёт постепенности реформ;
3. Поощрение разделения источников и представителей политической власти.

ГКЧП, безусловно, стремился к разрешению этого кризиса, и им выбран был, в сущности, первый вариант. Второй вариант был предпринят ещё президентом СССР Горбачёвым М.С. и потерпел в итоге неудачу, что, собственно, и привело к созданию ГКЧП. К третьему варианту политическое руководство СССР было практически не готово в виду усиления кризиса идентичности, то есть нарушения идентификации происходящих социально-политических изменений с имеющейся политической системой. В СССР это проявилось следующим образом.

С одной стороны имел место достаточно высокий общеобразовательный уровень населения, способствовав-

ший быстрому приобщению к новым политическим ценностям, а с другой – западная модель социального поведения, выражающаяся в таких ценностях, как частная собственность, правовое государство, личная свобода. Но эта модель была, по сути, выражена довольно абстрактно в виду долгого отсутствия в стране тенденций развития деятельно-активной ориентации личности, психологии рационального оптимизма, предпринимательских традиций. Вторая причина кризиса идентичности лежала в амбивалентной системе верований политических лидеров, которую обычно порождает конфликт традиционализма и модернизации, выражающийся в сплетении старого и нового мышления. Все эти факторы и дают основание утверждать, что создание ГКЧП и другие события августа 1991 года не были случайным явлением в политической жизни СССР того периода.

Сам кризис легитимности выражался в СССР в трёх основных направлениях:

- А) нарастание кризисных явлений в КПСС;
- Б) усиление тенденций к распаду СССР;
- В) периодические уклоны в сторону чрезвычайных

мер.

В свою очередь, нарастание кризисных явлений в КПСС обуславливалось, главным образом, следующими факторами:

- А) структурные изменения в КПСС, приведшие к её распаду;
- Б) кризис самого партийного аппарата;
- В) сокращение сферы влияния КПСС на хозяйственную жизнь страны.

Фактор структурных изменений в КПСС проявился в том, что единство в партии во многом предопределялось централизованным, а не федеративным строением КПСС.

Республиканские партийные организации были составными частями единой партии. Все основные кадровые назначения и перемещения шли из Москвы. Но после 1985 года началось некоторое ослабление центрального партийного руководства, что позволило местным национальным кадрам довольно быстро понять, что теперь можно защитить себя от угрозы смещения или перестановок по воле центра. Одним из средств этой защиты, в частности, стал лозунг национального суверенитета.

Создание Коммунистической партии РСФСР в 1990 г., которая хотя и выступала за сохранение единства КПСС и СССР, завершила, по сути, Федеративное строение КПСС, лишив её тем самым прежней сильной централизации. В самой сильной степени кризис власти затронул её фундамент – партийный аппарат. Он быстро утратил прежний контроль за системой власти, и оказался как бы изолированным от управляемого общества. Именно на аппарат взвалили главную ответственность за то, в каком положении оказалась страна. Все нападки на представителей власти, причём такие, как обвинение в коррупции, бюрократизме, консерватизме относились, прежде всего, к работникам партийного аппарата. Антикоммунистические выступления и неподчинение властям сравнительно быстро перестали кого-либо удивлять. Таким образом, прежде невыборная по существу власть, буквально подтачивала сама себя.

Общее ослабление КПСС не могло не сказаться на объёме и интенсивности её влияния на хозяйственный процесс в стране. На фоне партийной элиты на первый план начала постепенно выходить так называемая хозяйственная элита, также ощущавшая на себе некоторую свободу вследствие ослабления партийного пресса. В результате партийные организации на предприятиях и других производствен-

ных объединениях стали терять своё прежнее влияние, превращаясь постепенно в декоративный орган с весьма символическими полномочиями. Поэтому подписанный в июле 1991 г. указ президента РСФСР о прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР, нанёсший удар, главным образом, по структурам КПСС, не встретил никакого заметного сопротивления. Перемены в жизни партии, её аппарата, приспособление к работе в новых условиях шли довольно медленно. Отказ от старых привычек, от сложившихся за десятилетия стереотипов, связанных с руководящей ролью партии в обществе, оказался делом очень непростым, требующим мужества, твёрдости, повседневного внимания к мнениям и настроениям партийных «низов», широкой общественности. Поддержав М.С. Горбачёва в 1985 году в плане начатой им «перестройки», направленной, согласно замыслам, на обновление политической и экономической жизни СССР, КПСС оказалась сама неспособной пойти на такое обновление. Не было ни очищения партийных рядов, ни радикальных кадровых изменений. «Новое» с трудом преодолеvalo сопротивление «старого», дробя и ослабляя бывшие не так давно монолитные ряды.

Безусловно, все эти факторы не могли не усиливать тенденции к всё более видимому распаду СССР. Основной питательной средой для развития этих тенденций был во многом чрезмерный централизм в управлении, в частом невнимании союзных органов к интересам экономического и социального развития республик, к рациональному использованию их природных ресурсов, имели место факты неуважения к национальной культуре, языку, обычаям, традициям. Жёсткая реакция союзных республик на любой, по-

рой даже маленький всплеск национальных чувств только ещё более загоняла их как бы в подполье, создавая, таким образом, эффект тлеющего торфяного болота: на поверхности видимое спокойствие, а внутри – нарастающие очаги межнациональной розни, непонимания и разногласий. Историки уже успели назвать это время рубежным периодом «новейшей российской истории». К этому времени уже обозначились симптомы распада ещё вчера мощной сверхдержавы. По стране покатилося кровавое колесо межнациональных конфликтов: Карабах и Сумгаит (1988 г.), Фергана, Новый Узень, Кишинёв (1989 г.), Баку (1990 г.) и др. Одновременно союзные республики, с конца 1988 года вступившие в борьбу за самостоятельность, сначала экономическую, а потом и политическую, уже пожинали первые плоды частичных успехов. Начался процесс объявления как независимостей и суверенитетов. Кульминацией здесь стало объявление суверенитета России, идеи возрождения которой на основе экономической и политической самостоятельности приобретали всё большую популярность. В итоге это привело к тому, что именно России предстояло в дальнейшем, по сути, определять судьбу СССР.

Разразившаяся на этой почве в РСФСР так называемая «война законов», а впоследствии и «война экономических программ», одну из которых традиционно именовали правительственной или союзной, а другую – названную «500 дней», только усугубляли положение в стране. Таким образом, Декларация о российском суверенитете фактически открыла легальную возможность борьбы с союзным центром, постепенного переподчинения российским властям всей системы управления на большей части территории страны. Этим был инициирован парад подобных деклараций в других союзных республиках, а затем и в россий-

ских автономиях. Страна вступила в полосу дезинтеграции. Например, во время разработки нового проекта Союзного Договора было создано ещё 12 республиканских проектов, причём все они признавались различными сторонами неприемлемыми. Такой процесс, можно сказать, явно заходил в тупик. Таким образом, к декабрю 1990 года союзное руководство подходило не просто с неутешительными, но с откровенно катастрофическими итогами. Разнобой усилился как в экономике, так и в управлении, что привело к стремительному ухудшению социально-экономической и политической ситуации в стране, названной впоследствии «декабрьским кризисом». Именно на этом фоне было принято IV Съездом народных депутатов СССР решение о проведении референдума, который по замыслу должен был решить судьбу СССР. Хотя большинство населения высказалось в пользу сохранения СССР, итоги референдума не сняли напряжения в обществе. Экономический и политический кризис продолжал усугубляться. В этих условиях всё громче стали раздаваться голоса с требованиями решительных действий по наведению порядка в стране, принятию чрезвычайных мер во имя политической и экономической стабилизации. Ощущение крайней необходимости принятия экстренных мер по спасению государства становилось всё более очевидным и считаться с этим должны были обе противоборствующие стороны – Центр и Россия, Центр и республики.

Из возможного тупика политические лидеры видели два возможных варианта выхода: введение в стране чрезвычайного положения, либо созыв «круглого стола» из представителей всех политических движений для демократического мирного решения вопроса о власти. Поначалу срабатывал второй вариант, в результате которого было подписа-